

На правах рукописи

АРИАС-ВИХИЛЬ Марина Альбиновна

**РОМЕН РОЛЛАН И МАКСИМ ГОРЬКИЙ:
ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература Европы)

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2020

Диссертация выполнена в Отделе литератур Европы и Америки Новейшего времени и Архиве А.М. Горького Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Официальные оппоненты

Таганов Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра германо-романских языков и литературы ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», профессор

Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор

Семенова Александра Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, кафедра журналистики ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет», профессор

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «02» июня 2020 года в 15 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.01 по филологическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская. д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.imli.ru
Научная жизнь > диссертационные советы > Д 002.209.01.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н.



Протопопова
Анна Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Предметом диссертации являются историко-функциональные и общественно-политические аспекты взаимоотношений двух крупнейших писателей XX века, сыгравших ключевую роль в мировом литературном процессе и политической истории Европы XX века – Нобелевского лауреата 1915 года Ромена Роллана (1866-1944) и Максима Горького (1868-1936).

Объект исследования – совокупность литературных текстов и личных документов Роллана и Горького (художественного, публицистического, эпистолярного дискурса писателей) в их взаимосвязи, а также комплекс документальной, литературно-критической, публицистической и мемуарной литературы, относящейся к восприятию творчества Роллана в СССР в период его взаимодействия с Горьким (1916-1936).

Хронологические рамки работы – время глобальных исторических катаклизмов. Первая русская революция 1905 г. сделала имя Горького в Европе политическим лозунгом, как и Первая мировая война – имя Роллана. Оба они, имея славу выдающихся писателей своего времени, выдвинулись на политическую арену как борцы за права человека, пытаясь влиять на ход истории и снискав среди европейских интеллектуалов авторитет «совести мира». Длившаяся двадцать лет переписка писателей (1916-1936) имела в основном неподцензурный характер, так как Горький большую часть этого времени провел за границей, уехав из России в 1921 г. и вернувшись на родину за три года до смерти. Она была не только дружеской (как, например, переписка Роллана со Стефаном Цвейгом) – скорее, каждый из писателей использовал ее как трибуну для выражения своих литературных, политических, философских и историософских воззрений, а также для непосредственной реакции на поворотные события мировой истории.

Советский Союз рассматривался Ролланом как альтернативная политическая сила, способная противостоять политике европейских правительств, а затем и наступлению нацизма и фашизма. В целом, «советский проект» строительства нового общества на демократических началах

представлялся Роллану достойным реализации, несмотря на явное неблагополучие проводимой государством внешней и внутренней политики. Только в письмах Горькому Роллан откровенно высказывает свои сомнения в методах осуществления декларируемых достижений по строительству «нового общества» и воспитанию «нового человека». Тема репрессий в СССР становится в 1930-е гг. основной в его письмах Горькому и главной – в беседе со Сталиным. Отношение советских идеологов к Роллану нашло отражение в предисловиях к Собранию сочинений Роллана, выходившему в СССР в 1930-1935 гг. Здесь критике подверглась позиция Роллана как «половинчатого» друга СССР, а его гуманизм и пацифизм были объявлены устаревшими, не соответствующим требованиям времени.

В диссертации по переписке с Горьким и эго-документам Роллана реконструируется восприятие французским писателем старой и новой России, выявлены этапы взаимоотношений Роллана и Горького, в которых учитываются изменения общественно-политической ситуации в Европе и в СССР, а также вехи творческой биографии писателей.

Степень изученности вопроса. Советское литературоведение (работы В. Балахонова, Т. Мотылевой, И. Лилеевой, Ф. Наркирьера и др.) оставило за скобками идеологические аспекты отношений Горького и Роллана: в переписке писателей 1920-х годов подвергались резкой критике итоги Октябрьской революции, действия большевиков по разгрому «старой» науки, литературы, уничтожению интеллигенции. В 1930-е годы в ней обсуждаются репрессии, вопросы внутренней и внешней политики сталинского руководства. Более поздние публикации также в плотную не рассматривали эту проблематику¹.

¹Ср.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: Природа и ее стилевые функции у Р. Роллана. М.: Наука, 2006; Трыков В.П. Биографическая проза Романа Роллана: Монография. М.: МПГУ, 2016; Погорельская Е.И. Ромен Роллан и Анатолий Луначарский: из истории переписки (по материалам Государственного литературного музея) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 127–152; Медзмариашвили Г. Я жив благодаря ей. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000; Аракелова М.П., Городницкая А.А. «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. М. 2001. С. 161–175 и др.

Первые исследования по данной теме начали появляться после публикации в 1990-е гг. корпуса переписки Роллана и Горького во Франции и России², а также текста «Московского дневника» Роллана.³ Однако необходимо отметить, что публикация «Московского дневника» Роллана осуществлена в русском переводе лишь в журнальном варианте, при этом не издан до сих пор на русском языке текст «Дополнений <к «Московскому дневнику»> (октябрь-декабрь 1938 г.)», написанный Ролланом во время московских процессов. Письма Роллана Сталину в переводе автора диссертации впервые были опубликованы в книге «Диалог писателей. Из истории русско-французских связей XX века (1920-1970)» (Сост. Т.В. Балашова. М.: Наследие, 2002), а письма Роллана секретарю Горького П.П. Крючкову также в переводе автора диссертации – в книге «Постижение Запада» (Отв. ред Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015.). Снабженное содержательным предисловием издание во Франции Жаном Перюсом корпуса переписки Роллана и Горького стало первой попыткой постановки вопроса о необходимости рассмотрения взаимоотношений писателей в контексте европейской и мировой истории и историко-функциональных аспектов их литературного диалога. Работы французского специалиста по творчеству Роллана Бернара Дюшателе, автора предисловия к французскому изданию «Московского дневника» Роллана стали важным этапом освоения этого архивного источника. Однако интерес Б. Дюшателе сосредоточен на фигуре Роллана и его творчестве, Горький и его диалог с Ролланом не входят в сферу его научных интересов, как и отношения Роллана с СССР и русско-французские культурные связи. Главным препятствием в изучении данной темы для Дюшателе, как и для других западных исследователей, является отсутствие важных архивных

²CorrespondanceentreRomainRollandetMaximeGorki. Préface et notes de Jean Pérus. Paris: Albin Michel, 1991; М. Горький и Р.Роллан. Переписка (1916-1936). Серия «Архив Горького». Т. XV. М.: Наследие, 1996.

³ Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР (июнь-июль 1935 года) // Вопросы литературы. 1989. №№ 3-5 /пер. с франц. М.А. Ариас; французское издание: Rolland R. Voyage a Moscou (Juin-juillet 1935), suivi de Notes complementaires (octobre-decembre 1938). Introduction, notes et appendice de Bernard Duchatelet. Paris: Albin Michel, 1992.

первоисточников по данной проблематике в Фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции, в частности писем М.П. Кудашевой-Роллан Горькому и его окружению. Важным достижением американского историка М. Дэвида-Фокса является его попытка интерпретация беседы Роллана со Сталиным и статуса писателя как «друга СССР»⁴. Информационная ценность этой и других зарубежных работ, касающихся связей советских и зарубежных писателей для данной диссертации определяется тем, что в них исследованы принципы взаимодействия советской власти с иностранными литераторами, формы «культурной дипломатии» СССР в сталинскую эпоху⁵. Для большинства работ по этой теме стали уже общим местом упреки в «слепоте» и «двойной игре» писателей, посещавших СССР, что не может отменить научной задачи изучения «путешествий в СССР» в их историко-функциональном и литературно-художественном аспектах. Кроме того, для зарубежных исследований характерно преувеличение значения «Запада» как «постоянного фактора развития советской системы» (М. Дэвид-Фокс). Изучение взаимоотношений и переписки Роллана и Горького в настоящей работе показывает, что задача сталинского руководства была вполне прагматической и

⁴ David-Fox M. The «Heroic Life» of a Friend of Stalinism: Romain Rolland and Soviet Culture // Slavonica. 2005. Vol. 11. № 1. P. 3–29.

⁵ Проблеме взаимодействия иностранных литераторов и СССР посвящен целый ряд историко-литературных исследований последних лет западных и российских ученых: Фреда Купфермана (*Le voyage français en Union Soviétique, 1917-1939*. Paris: Gallimard, 1979), Софи Кеке (*La grande lueur a l'Est: Les français et l'Union soviétique (1917-1939)*. Paris: Editions du Seuil, 1999), Рашель Мазуи (*Croire plutot que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939)*. Paris: Odile Jacob, 2002), Жана-Франсуа Файе (VOKS. *Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique dans l'entre-deux-guerres*. Genève: Georg Editeur, 2014), а также ставшие классическими работы Пола Холландера «*Политические пилигримы: западные пилигримы в поисках достойного общества*» (1997), Сильвии Маргулис «*Паломничество в Россию: Советский Союз и обработка иностранцев, 1924-1937*» (1968), Тима Цулиадиса «*Брошенные: американская трагедия в сталинской России*» (2008), Катерины Кларк «*Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и развитие советской культуры, 1931-1941*» (2011), Майкла Дэвид-Фокса «*Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941*» (2012), А.В. Голубева «*Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии*» (2004), Г.Б. Куликовой «*Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг.*» (2004), «*Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов*» (2013), Л.В. Максименкова «*Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие)*» (2004).

состояла в признании СССР де факто, что и осуществлялось в ходе контактов с западной интеллигенцией, которая должна была подтвердить всему миру легитимность сталинского режима. Задача «вестернизации» не стояла, так как идеологический дискурс строился на априорном признании СССР «самой передовой страной» в мире, что отнюдь не предполагало обращение к «Западу» как «центральному компоненту культуры, идеологии и политики в раннесоветский и сталинский периоды», как об этом пишет Дэвид-Фокс. Поэтому, развернув репрессии, Сталин отказался от широкомасштабных международных мероприятий, подобных Парижскому конгрессу писателей в защиту культуры 1935 года, и от приема многочисленных «визитеров» с Запада, о чем свидетельствует окончательное падение «железного занавеса» после 1936 года. В этой связи подлежит пересмотру и утверждение Дэвида-Фокса о том, что «пик надежд европейских и американских интеллектуалов на успех советского эксперимента совпал по времени с кровавыми сталинскими репрессиями».

Игнорирование до определенной степени западного общественного мнения советским руководством является еще мало изученной проблемой, как и развитие международных и транснациональных связей в разные периоды существования советского государства, вклад в исследование которых вносит настоящая диссертация.

Предпринятое в ее рамках изучение эпистолярного диалога Роллана и Горького в середине 1930-х годов выявляет существенные закономерности отношений западной интеллигенции с советской системой, может служить своего рода коммуникативной моделью для легитимации внешней и внутренней политики сталинского руководства, станет важным и необходимым недостающим звеном в давно идущих спорах о французских интеллектуалах и СССР, восходящих к таким книгам, как «Предательство интеллектуалов» («La

Trahison des Clercs», 1927) Жюльена Бенда, а также книгам Бориса Суварина, Виктора Сержа, Панаита Истрати, Анри Гильбо и многих других.⁶

Источниковедческой базой исследования стали документы Архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, а также архивные материалы фондов РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ, фонды ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с границей), Иностранной комиссии Союза советских писателей, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Фонда Ромена Роллана Национальной библиотеки Франции. Эти документы в той или иной степени были использованы в диссертации для прояснения отдельных вопросов научной биографии писателей, а также проблем, связанных с их взаимодействием.

Научная новизна работы определяется отсутствием исследований, специально посвященных теме диалога Роллана и Горького, а также необходимостью освоения обширного документального историко-литературного материала, представляющего значимость, как для отечественной, так и зарубежной науки. В диссертации впервые вводится в научный оборот внушительный комплекс документов и материалов Архива А.М. Горького, а также материалов, связанных с рассмотрением вопроса о диалоге двух культур в сложный исторический период. Творчество Роллана и Горького проанализировано на основе не только уже опубликованных материалов, но и новых архивных разысканий в контексте литературной и общественно-политической проблематики исследуемой эпохи, что позволяет уточнить и ввести в научный оборот ранее неизвестные факты научной

⁶ Об этом см.: Краева Т.В. Путешествия в «воображаемую страну»: французские левые интеллектуалы о СССР (20-е-середина 30-х гг. XX в.) // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 127-140; Тайманова, Т.С., Легенькова Е. А. Документальные свидетельства Бориса Суварина о трагедии советских писателей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. Вып. 64(1). 2019. С. 277-292; Слуцкая Л.В. Анри Гильбо: «культурная пропаганда» французского интеллектуала (1919–1924 гг.) // *Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке*. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 262-275 и др.

биографии писателей, значительно расширить наше представление о характере деятельности и творчества писателей в это время, об особенностях развития литературного и политического процессов в СССР и в Европе с учетом ранее неизвестных факторов.

Актуальность работы обусловлена, прежде всего, необходимостью заполнить лакуну, вызванную отсутствием специальных историко-литературных работ по теме «Роллан и Горький» как в России, так и во Франции.

Обращение к теме диалога культур и писательских контактов в сложную и переломную историческую эпоху на основе анализа литературных текстов, эпистолярная и личных документов, в том числе новых архивных разысканий, актуально в связи с глубоким интересом к изучению наследия советской эпохи, в первую очередь периода сталинизма. Это направление перспективно и активно развивается, но исследования ведутся в основном историками и касаются литературных взаимосвязей и писательских контактов в рамках комплекса проблем, связанных с восприятием СССР на Западе в период наступления фашизма в Европе и Великой Депрессии в США.

Проблематика взаимоотношений западных интеллектуалов и СССР еще долгое время будет оставаться актуальной, так как далеко не исчерпан научный и общественно значимый потенциал этого феномена. Назрела потребность в более углубленном специализированном историко-литературном исследовании, которое позволит осмыслить историко-функциональные и политические аспекты литературного диалога писателей, их вклад в развитие межнациональных литературных связей в историческом и культурном контексте эпохи.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления особенностей литературного процесса XX века, тесно связанного с политикой и социальными практиками писателей, стремившихся играть активную роль в общественно-политической жизни XX века на всех этапах, включая катастрофический опыт революций, Первой мировой и гражданской войн.

Анализ различных аспектов истории взаимоотношений Роллана и Горького вносит вклад в решение актуальной задачи изучения российско-французских писательских контактов и литературных связей.

Цель исследования – комплексное изучение и введение в научный оборот документов Архива А.М. Горького, связанных с двадцатилетним творческим диалогом (1916-1936) двух крупнейших писателей, сыгравших ключевую роль в политической и литературной истории Европы XX века. Большая часть этих документов осталась вне поля зрения литературоведов и историков литературы в России и во Франции.

Данная цель определила **задачи исследования**:

1) Рассмотреть историю взаимоотношений Роллана и Горького в свете исторических и общественно-политических изменений, происходивших в мире, проанализировать с этой точки зрения комплекс документов Роллана, посвященных Советскому Союзу и переданных его вдовой в Архив А.М. Горького. На основе этих документов выявить эволюцию отношения писателей к русской и советской литературе, культуре, русскому национальному характеру, исторической судьбе России и Европы в разные годы их жизни.

2) Ввести в научный оборот документы Архива А.М. Горького и Фонда Роллана в Национальной библиотеке Франции, содержащие важнейшие свидетельства взаимоотношений Роллана с СССР, а также отношений двух великих писателей XX века, их сложного литературного, философского, политического эпистолярного диалога на протяжении двадцати лет (1916-1936). Этот диалог был осмыслением крупнейших событий литературной и общественно-политической истории и имел огромное влияние на общественное сознание современников.

3) Рассмотреть восприятие творчества и личности Роллана в СССР в рассматриваемый период на основе материалов советской критики, прессы, документов, а также заполнить лакуны, связанные с отсутствием в научном обороте многих архивных документов, относящихся к данной проблематике.

4) Дополнить существующее представление о литературном и историческом процессе XX века неизвестными страницами истории литературы, к которым относятся письма М.П. Кудашевой-Роллан, написанные Горькому, его секретарю П.П. Крючкову, членам семьи Горького Е.П. Пешковой и Н.А. Пешковой, без которых невозможно должное осмысление правозащитной деятельности Роллана, осуществляемой им через Максима Горького, в период репрессий в СССР в эпоху тоталитаризма. Переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым до сих пор оставалась вне поля зрения литературоведов и историков.

5) Ответить на вопрос, стал ли Роллан не критичным апологетом сталинизма, как его представляют многие западные исследователи, с опорой на «Московский дневник» Роллана.

6) Ответить на вопрос о том, какова была роль Горького в борьбе западноевропейских интеллектуалов за гуманистические идеалы европейской культуры в период между двумя мировыми войнами, изменившими не только карту мира, но и само представление о человеке.

7) Ввести в научный оборот неопубликованную переписку Роллана с советскими издательствами (директором Госиздата А.Б. Халатовым и др.), а также переписку Роллана с русскими писателями-эмигрантами в Париже (К. Бальмонтом, И. Буниным, И. Шмелевым и др.), устанавливающих роль отдельных писателей в динамике и своеобразии литературного процесса XX века во Франции и в СССР.

Методология исследования основана на комплексном сравнительном литературно-историческом и структурно-типологическом анализе материалов творчества Роллана и Горького. Комплексный подход к исследованию архивных материалов, художественных текстов, писем, предполагает применение методов и подходов вспомогательных исторических, философско-эстетических, социологических, экономических дисциплин. Обращение к источникам, сквозной просмотр архивных материалов фондов институций культуры и личных фондов деятелей культуры 1920-1930-х гг. является частью

системного подхода, означающего изучение художественного творчества в его социально-политическом контексте, разнообразии связей изучаемых объектов, множественности описания литературно-художественных явлений. Историко-функциональный подход позволяет проанализировать межнациональные литературные связи в широком культурном, социальном и политическом контексте. Автор диссертации применил методы научной эдиции и текстологии в представлении документальных материалов и создании комментария к публикуемым текстам, провел комплексный анализ материалов по заявленной теме Архива А.М. Горького, Отдела Рукописей ИМЛИ РАН, РГАЛИ, ГАРФ, РГАСПИ, архивных фондов РГБ, Национальной библиотеки Франции и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская культура и русское революционное движение – постоянный предмет внимания и интереса Роллана, нашедший полноту своего воплощения в общении с А.М. Горьким.
2. Западническая культурная ориентация Горького находит полноту выражения в творчестве и личности Роллана, воплотившего в его глазах европейскую культуру и европейские ценности, что позволило Роллану стать многолетним собеседником Горького в их эпистолярном диалоге по целому комплексу историософских проблем, связанных с противостоянием Запада и Востока, России и Европы, исторических судеб России.
3. Нравственно-идеологическую позицию Горького и Роллан в отношении результатов и способов осуществления Октябрьской революции можно определить как положение «над схваткой», у Роллана находящее выражение в образе бескровной революции М. Ганди, у Горького – в оценках и авторской позиции в цикле статей «Несвоевременные мысли» в газете «Новая жизнь».
4. Эпистолярный диалог писателей свидетельствует об их желании влиять на общественное мнение в оценке происходящего в Советской России, а затем в СССР. Оба они приходят к мысли о необходимости сильной власти, которая не даст государству, созданному В.И. Лениным, ввергнуться в хаос. Вопрос о легитимности власти большевиков снимается в связи со смертью

большевистского вождя: оба они воспринимают ее как утрату, чреватую потерей контроля над стабилизацией общественно-политической ситуации в СССР.

5. 1927 год – год 10-летия Октября – становится переломным для обоих писателей. Роллан открыто встает на сторону советской власти, что вызывает резкий протест в среде русской эмиграции. Горький посещает СССР летом 1928 года и в качестве социального педагога способствует строительству «нового общества» и созданию «нового человека». Разрыв отношений Роллана с писателями русского зарубежья происходит под влиянием Горького, который опровергает информацию о катастрофическом положении писателей в СССР и дает нелицеприятные характеристики своим соотечественникам за рубежом.
6. Сталинское руководство рассматривало литературную и общественную деятельность Горького как «политический капитал», чем и определяется стремление вернуть писателя в СССР.
7. Издание в СССР в 1930-1935 гг. собрания сочинений Роллана, снабженного четырьмя предисловиями, дает представление об отношении к Роллану советского руководства как к «дряблему» гуманисту и пацифисту, и фиксирует новое состояние диалога писателей: Горький менторски поучает «устаревшего» писателя, творчество которого принадлежит «вчерашнему дню».
8. Идеологические разногласия Горького и Роллана не прерывают их диалога. С началом 1930-х годов одной из главных целей переписки Роллана с Горьким становится защита прав человека в СССР. Правозащитная деятельность Роллана распространяется не только на политических противников советского режима, но и на родственников эмигрантов, оставшихся в России, на иностранцев, живущих в СССР и т.д. Горький берет на себя труд неукоснительно выполнять просьбы Роллана.
9. «Московский дневник» Роллана отразил колебания и сомнения писателя в его отношении к происходящему в СССР, его критическое мнение о представителях советской правящей элиты, и очертил трагическое положение Горького в 1935 г. как «увитого лаврами» «старого медведя с кольцом в губе»,

который не был хозяином в своем доме, окруженный охраной под бдительной опекой секретаря П.П. Крючкова.

10. Закрытие Ролланом для публикации «Московского дневника» фиксирует его неверие в возможность положительных перемен во внутренней и внешней политике сталинского руководства, обусловленное смертью Горького 18 июня 1936 года, которая лишила Роллана возможности влиять на решения советского руководства в отношении подвергшихся репрессиям граждан.
11. Несмотря на статус «друга СССР» Роллан не был «некритичным апологетом сталинизма» (М. Дэвид-Фокс). Благодаря Горькому и М.П. Кудашевой, а также своему путешествию в СССР, он был достаточно хорошо осведомлен о положении дел в СССР, что не мешало ему верить в то, что возможности построения альтернативного общества не исчерпаны и провозглашаемые достижения имеют под собой реальную основу. Его «защита СССР» строилась как умозрительная возможность противостояния наступлению фашизма в Европе.

Теоретическая значимость работы состоит в изучении историко-функциональных и общественно-политических аспектов литературного диалога писателей, введении в научный оборот впервые переведенных на русский язык ключевых для истории вопроса текстов Роллана, ранее недоступные русскоязычному читателю, анализе этапов научной биографии писателей в соотношении с духовным и политическим климатом эпохи, исследовании функционирования эпистолярной модели взаимоотношений писателей, отразившей противоречия своего времени.

Практическая значимость работы: исследование может быть полезно специалистам по истории зарубежной и русской литературы, исследователям жизни и творчества Р. Роллана и М. Горького, рецепции французской литературы в СССР, советско-французских литературных и культурных связей XX века, специалистам по истории СССР, советской критики, советской литературы. Выводы диссертации будут использоваться при разработке учебных курсов по истории зарубежной литературы XX века, истории

французской литературы XX века, истории советской литературы. Достигнутые в ходе работы результаты могут быть использованы при создании курсов лекций в высших учебных заведениях по истории литературы XX века России и Франции, а также по компаративистике.

Работа носит междисциплинарный характер, её результаты могут быть использованы для создания курса социокультурной истории первой трети XX века, а также применимы для включения в курсы по истории европейской общественно-политической мысли того времени, для создания мультимедийных обучающих ресурсов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были апробированы в докладах на всероссийских и международных конференциях, а также в публикациях по исследовательским грантам: гранту РГНФ-НЦНИ Франции №11-24-17001 а/Fra – ETRANSOV PICS N 6027 «Отношение к иностранной культуре в советской литературе, искусстве и теории 1917-1941 гг.» (2011-2013); гранту РГНФ №12-04-00334а «Максим Горький в итальянской критике первой половины XX века» (2012-2014); гранту РГНФ № 14-04-00557а «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920х-1960-х годов. Культура и идеология» (2014-2016); гранту РФФИ №18-52-15031 «Финансирование советской культуры (1917-1941)» (2018-2020); гранту РФФИ №18-012-00436а «Ромен Роллан и Максим Горький: между литературой и политикой (по неопубликованным материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН и Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции)» (2018-2020); а также в коллективном труде по издательскому гранту РГНФ №15-04-16159д «Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы» (2015) и монографиях: «"Недостижимая добродетель альтруизма": Максим Горький в итальянской критике. К 150-летию со дня рождения М. Горького» (по гранту РФФИ №18-112-10007д (2018); «Буревестник versus Альбатрос: Французский контекст творчества Максима Горького» (по гранту Федерального агентства по

печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018)»).

Основные положения диссертации отражены в двух монографиях, ряде глав в коллективных монографиях, в 20 научных публикациях в журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также в 5 публикациях, включенных в международные базы цитирования Scopus и Web of Science.

Структура диссертации определяется логикой исследования и включает введение, три главы, два приложения, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика исследования, освещается история вопроса, определяется методологическая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается актуальность и новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе «Роллан и Горький в 1916-1921 гг.: начало диалога»** исследуется первый период литературного диалога писателей, связанного с издательскими проектами Горького (его журналом «Летопись» и серией «Жизнь замечательных людей»). Роллан, увлеченный русской литературой и творчеством Льва Толстого (параграф **1.1. Ромен Роллан и Россия**), соглашается сотрудничать с Горьким, высоко оценивая его творчество. Горький, в свою очередь, является поклонником французского Просвещения, идеи построения «гражданского общества», мечтает об «европеизации» России. В своих издательских проектах он ориентируется на достижения французской словесности, считая французских писателей непревзойденными мастерами стиля (**1.2. Французская литература в творчестве и издательской деятельности Максима Горького**). В параграфе **1.3. Роллан и Горький: начало сотрудничества** исследуются отношения Роллана с русскими эмигрантами в Швейцарии в период Первой мировой войны, его знакомство с Луначарским и начало сотрудничества с Горьким.

Диссертант показывает, как завязавшаяся переписка позволяет обоим писателям высказать свои творческие и мировоззренческие установки. Оба писателя являются проповедниками «героической жизни», однако Роллана интересует способность личности к самосовершенствованию и философскому осмыслению действительности, Горький же ратует за развитие активного начала в человеке-творце и хозяине жизни. Таким видится ему человек Запада в противоположность «пассивному» Востоку, к которому Горький причисляет Россию. В параграфе **1.4. «Вторая половина долга»: Роллан, Барбюс и Горький о революционном насилии** исследуется полемика писателей в связи с проблемой защиты нравственных ценностей в период революции, поставленной Ролланом. В марте 1917 года он писал Горькому о том, что «для победы нет слишком дорогой цены»⁷. Однако Октябрьская революция, сопровождающаяся «красным террором», заставляет писателей поставить вопрос о пределах революционного насилия, о цене революции. Поводом для этого послужила статья Анри Барбюса под названием «Вторая половина долга» с упреками Роллану в нежелании идти до конца в совершении революции. В письме к Горькому Роллан приводит свой ответ Барбюсу, подчеркивая, что узкополитические интересы партии не должны стоять выше «абсолютных понятий» справедливости и добра. Горький, вынужденный покинуть Россию в разгар террора, считает ответ Роллана «превосходным» и встает на сторону Роллана в его полемике с Барбюсом. Горький пишет Роллану о необходимости «привнести этику в революцию». В этот период оба писателя стоят на позиции критики итогов Октябрьской революции («рухнула великая иллюзия», Р. Роллан, АГ-15, 44). В 1922 году в созданном им издательстве «Всемирная литература» Горький публикует книгу Роллана «Театр революции», вызвавшую негативную реакцию большевистских вождей. Луначарский не рекомендует к постановке пьесы Роллана из-за их «гуманистического нутья», а Троцкий

⁷ Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916 – 1936). М.: Наследие, 1996. С. 20. Здесь и далее это издание обозначается аббревиатурой АГ-15 с указанием страницы.

выступает против «буржуазного гуманизма» в литературе. Такое отношение к творчеству Роллана со стороны большевиков не изменится до самой смерти писателя: его драмы «в самом точном смысле слова контрреволюционные» (Луначарский). В параграфе **1.5. Статья Роллана о Махатме Ганди как аргумент в полемике с большевиками** показано, что полемика Роллана с Барбюсом и участие в ней Горького была связана с обсуждением ситуации в Советской России в первые годы после Октябрьской революции. Ученик Толстого Роллан обращается к фигуре другого последователя Толстого, добившегося выдающихся успехов в своей политической деятельности – индийского философа и политика Махатме Ганди (МохандасКармчанд, 1869–1948). В разгар полемики с Барбюсом Роллан пишет этюд о Ганди и печатает его в своем журнале «Эроп» в 1923 году (№ 2 – 15 марта; № 3 – 15 апреля; № 4–15 мая). Одновременно Роллан предложил Горькому опубликовать его в горьковском журнале «Беседа». Горький опубликовал очерк Роллана о Ганди не только в своем журнале «Беседа», но и в советском журнале «Красная новь» (1923, № 4).

Во **второй главе «Роллан и Горький в 1920-начале 1930-х гг.: историософия и политика»** анализируется переписка писателей: рассуждая о характере русской революции, оба они отстаивают интеллектуальную независимость и свободу, возмущены революционным насилием, обеспокоены диктаторскими тенденциями власти в России. Главным предметом писем становится судьба России в связи с особенностями характера русского народа и в связи с ее местом в едином поле европейской культуры (**2.1. Россия и Европа: Роллан и Горький о судьбе России и русском национальном характере (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана)**). Вопрос об «азиатском» характере русского народа для Горького далеко не праздный. Он определяет характер власти в России и, в конечном счете, ее судьбу. На протяжении двадцати лет ответы Горького в большинстве своем лишь усиливали тревоги и недоумение Роллана. На первый взгляд, их спор – вечный спор России и Европы, а точнее, спор «молодой» России и «старушки» Европы,

однако оба писателя вносят в него свою оригинальную ноту. Русская социалистическая революция, «что бы ни утверждали враги Советского правительства», отдала власть в руки народа, но парадокс заключается в том, что «этот народ не умеет пользоваться ею, не способен пока ни овладеть, ни расширить ее, отказывается работать в полную свою силу» (АГ-15, 74). Проблема России, по мнению Горького, заключается в том, что в России работает одна интеллигенция, «ломовая лошадь истории и культуры» (АГ-15, 74). Читая произведения М. Горького, Роллан убедился, что Горький «превосходно знает свой народ» (АГ-15, 31): «То, что Вы говорите о загадочности русской души, очень меня поразило. В настоящее время никто, вероятно, не знает лучше Вас русской души» (4 октября 1923; АГ-15, 69). Более того, Роллан считает, что Горький знает его лучше, чем Лев Толстой, который, по его мнению, идеализировал народ. Оба писателя приходят к выводу, что «России необходима железная дисциплина – Петр Великий или Ленин» (Роллан-Горькому, 30 октября 1924, АГ-15, 109). Оба они считают, что дикому и непокорному коню – русскому народу – нужна узда в виде европейских ценностей, иначе он «спотыкается на каждом шагу». Эти соображения лягут в основу просоветских (простаалинских) взглядов обоих писателей в конце 1920-х-1930-е годы.

Оценивая русский народ по произведениям Горького и по революционным событиям, разыгравшимся в России, Роллан подводит итог (в письме от 30 октября 1923 г.): «Я лучше понимаю теперь Ваши неотвязные мысли о душе русского народа. Поистине, это страшное чудовище. И я чувствую пропасть, отделяющую его от французского народа» (АГ-15, 77). Страх перед «страшным чудовищем» под названием «русский народ», перед «кривизной» его разума заставляет писателей искать панацею не столько в европеизации, на которую «нет времени», сколько в насильственных ограничениях, имеющих целью «выпрямить» путь нации.

В параграфе **2.2. Горький о советской цензуре и изъятии книг из библиотек: «у меня возникло желание отказаться от русского подданства»**

речь идет о противостоянии Горького политике большевиков в области культуры. В письмах к Роллану Горький пишет о том, что для него является трагедией революции: «Интеллектуальная сила России быстро убывает – за эти четыре года погибли десятки ученых, литераторов, художников... недавно погиб наш крупнейший поэт А. Блок и другой – Гумилев» (АГ-15, 26). Преступлением большевиков – «фанатиков и трусов» (АГ-15, 22) – против собственного народа Горький считал физическое уничтожение интеллигенции (репрессии, голод, отсутствие работы), «мозга нации». Его попытки помочь ученым и литераторам выжить в первые годы советской власти (создание ЦеКУБУ, развертывание издательского проекта «Всемирная литература» и др.) не могли остановить глубоко закономерный процесс уничтожения «старой» культуры и формирования «нового» сознания, без которого власть большевиков не могла быть прочной. Принятые в эти годы большевиками законодательные постановления свидетельствуют о том, что советская власть первостепенное значение придавала воздействию на сознание масс.

Создание его другом А.И. Рыковым Главлита (политической цензуры) не удивило Горького, сокрушительный удар его моральному чувству был нанесен начавшейся «очисткой» массовых библиотек от «контрреволюционной литературы» (1923, 1926 и 1929) Главполитпросветом под руководством Н.К. Крупской. Ознакомившись с «Инструкцией» 1923 г., Горький описал свои чувства в письме к Роллану 15 января 1924 года: «Нет, в Россию я не еду, и все более чувствую себя человеком без родины, без отечества. Я даже склонен думать, что в России мне пришлось бы играть роль крайне странную, – роль врага всем и всему <...> я встал бы там в смешную позицию человека, который бьет лбом в стену». В письме к Роллану Горький приводит индекс запрещенных книг, подлежащих изъятию из библиотек (труды Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Маха, Евангелие, Талмуд, Коран, книги Ипполита Тэна, В. Джемса, Гефдинга, Карлейля, Метерлинка, Нитчше, О. Мирбо, Л. Толстого и еще несколько десятков таких же «контрреволюционных» сочинений). Для самоучки Горького, человека, который «всем лучшим своим

обязан книгам», эта ситуация – худшее из того, что он испытал в жизни: «У меня возникло желание отказаться от русского подданства» (АГ-15, 87-88).

Смерть Ленина стала отправной точкой для пересмотра Горьким его противостояния большевикам. И он, и Роллан считали сильную власть («железную дисциплину») необходимым условием выживания России в ситуации послереволюционного хаоса. В параграфе **2.3. Роллан и писатели русской эмиграции в год десятилетия Октября: окончательное размежевание (по материалам Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции)** фиксируется момент перехода Горького и под его влиянием Роллана на просоветские позиции. Былое восхищение Роллана творчеством русских писателей-эмигрантов Бунина, Бальмонта, Шмелева сменяется открытым неприятием их непримиримой позиции по отношению к большевикам. Приняв разъяснения Горького о бурном развитии молодой советской литературы, Роллан выступает с «Открытым письмом И. Бунину и К. Бальмонту». В это же время по просьбе Горького Роллан пишет письма писателям Сибири (**2.4. Приветствие Р. Роллана Съезду сибирских писателей (1928)**). Поездка Горького в СССР после семи лет эмиграции способствовала началу сотрудничества Горького со сталинским руководством, взявшим курс на возвращение писателя в СССР (**2.5. Приезд Горького в СССР в 1928 году (по материалам советских газет и прессы русского зарубежья)**). Отказ от присуждения Нобелевской премии Горькому в 1928 г. после очередного выдвижения его кандидатуры говорит о том, что Горький воспринимается уже не как писатель-эмигрант, а как сторонник советской власти (**2.6. Горький и Нобелевская премия**). В это время меняется и отношение Горького к Роллану – теперь Горький объявляет его творчество «устаревшим» для самой передовой в мире страны «победившего пролетариата» (**2.7. Горький, Луначарский, Стефан Цвейг, Роллан: четыре предисловия к первому собранию сочинений Роллана в СССР. Проблема гуманизма**). Личные отношения Сталина и Горького не раз становились предметом внимания специалистов и, тем не менее, еще ждут своего

исследователя. В параграфе **2.8. Горький и Сталин глазами сталинского эмиссара Ивана Гронского: «Сталина Горький так и не смог раскусить»** рассказана история отношений писателя и вождя, приводятся высказывания Сталина о Горьком в изложении ближайшего к Сталину сотрудника, готовящего Первый съезд советских писателей, И.М. Гронского. Гронский замечает, что во время подготовки съезда Сталин пошел на большие уступки Горькому в соответствии со своей установкой «привязать Горького канатами к партии». Этой же цели служили и пышные празднества в честь 60-летия Горького в 1928 г., а также государственное празднование юбилея литературной деятельности писателя в 1932 году с присвоением имени Горького Нижнему Новгороду, Тверской улице в Москве, Московскому художественному театру, самолету-гиганту и т.д.. Сталин разыгрывал свою дружбу с Горьким, используя его только как «политический капитал». Горький не возражал вождю, но к 1935 году, после смерти своего сына Максима, потерял интерес к участию в политической жизни страны, «к защите СССР», о чем свидетельствует его отказ присутствовать на Парижском конгрессе в защиту культуры (1935), несмотря на просьбу Сталина (**2.9. Горький и Роллан на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры (1935 год) – красноречивое отсутствие**). Пренебрежительное отношение Сталина к Горькому было отмечено и Ролланом в ходе его поездки в СССР, о которой идет в третьей главе диссертации «**Путешествие Роллана в СССР и смерть Горького (1935-1936)**». Главной темой последней главы становится анализ впечатлений от поездки Роллана в СССР, изложенных в его «Московском дневнике». Истории поездки в свете диалога писателей посвящен параграф **3.1. Путешествие Роллана в СССР и его «Московский дневник»**. В параграфе **3.2. Образ М. Горького в «Московском дневнике» Роллана: «старый медведь с кольцом в губе»** идет речь о личной встрече писателей – кульминационном моменте в отношениях Роллана и Горького, о «моментах истины» в их многолетнем диалоге. Приехав в СССР по приглашению и под гарантии Горького, Роллан живет в его доме и наблюдает за поведением

писателя. Его выводы неутешительны: Горький не хозяин в своем доме, не может он отвечать и за порядки, царящие в стране. Роллан замечает, что Горький неоднократно оказывается в ситуациях, когда, осуждая в душе нетерпимость и жестокость созданной социальной системы, вынужден на словах защищать ее, подыскивать оправдания и аргументы в ее пользу (справедливости ради надо сказать, что и сам Роллан вынужден иногда поступать так же). Под пером Роллана Горький вырастает в огромную трагическую фигуру. Вернувшись в «Россию фараонов», Горький включился «в строительство пирамид». Назойливое внимание правительства и наркома внутренних дел Ягоды имело своей целью освятить его именем и огромным международным авторитетом систему, начиная от переименования Нижнего Новгорода и кончая документальными фильмами о строительстве каналов, где в кадре Горький фигурировал рядом с Ягодой. Роллан не торопился поделиться итогом своих наблюдений с современниками, закрыв свой дневник для читателя на 50 лет. Роллан слишком хорошо знал Горького, ощущал масштаб его личности, чтобы поверить в возможность его полного поглощения системой. Система постоянно нуждалась в осуществлении целого ряда мероприятий, чтобы удержать писателя в предназначенной ему рамке. Роллан скрупулезно перечисляет эти мероприятия: Горький – пленник в собственном доме, лишен контакта с читателями (благодаря рвению Крючкова и своему слишком официальному положению), установлена блокада («Крючков сделался единственным посредником всех связей Горького с внешним миром: письма, визиты, вернее, просьбы посетить Горького перехватываются им, одному ему дано право судить о том, кому можно, а кому нельзя видеть Горького»⁸, «Крючков располагает им по своему усмотрению и в соответствии с установками партийного руководства». И все это потому, что Горький «не

⁸ Здесь и далее «Московский дневник» Роллана цит. по изданию: Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР (июнь-июль 1935 года) / пер. с франц. М.А. Ариас // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 182-183. Далее в тексте это издание обозначается аббревиатурой МД с указанием номера журнала и страницы.

хочет видеть, но он видит ошибки и страдания, а порой даже бесчеловечность дела», в котором участвует.

Завершая свой дневник, Роллан подводит итог жизненного пути Горького: «Несчастный, старый медведь, увитый лаврами и осыпанный почестями, равнодушный в глубине души ко всем этим благам... на сердце его лежит тяжелое бремя горя, ностальгии и сожалений; он пытается заглушить свой застарелый пессимизм опьяняющим энтузиазмом и верой окружающих масс, увлекающих его за собой, которые, как полагают, увлекать должен он!».

Помимо личной встречи с Горьким одним из главных условий своей поездки в СССР Роллан ставил беседу со Сталиным. История создания «Московского дневника» говорит о том, что эта встреча стала центральным событием путешествия Роллана в СССР. В параграфе **3.3. Роллан и его беседа со Сталиным в «Московском дневнике»: к проблеме интерпретации** идет речь о сложностях, возникших у Роллана при попытке изложить свою беседу с вождем в «Московском дневнике». При сравнении текста дневника Роллана с официальным текстом беседы, записанной А.Я. Аросевым, выступившем в Кремле в роли переводчика, обнаруживается целый ряд расхождений, имеющих принципиальный характер. Вопрос о репрессиях – первый вопрос, который Роллан задает Сталину. У Сталина при ответе он оказался последним. Характерно, что свои реплики Роллан приводит целиком (попутно вставляя в него отдельные пассажи, которые не были произнесены, как следует из сопоставления с записью Аросева), а текст Сталина пересказывает на свой лад, вставляя выборочно отдельные цитаты, которые, как следует из записи Аросева, не отвечают действительности. Подборки псевдоцитат в дневнике Роллана – не что иное, как попытка самореабилитации писателя, не посмевшего возразить вождю во время их беседы. Роллан хотел, чтобы Сталин признал репрессии ошибкой, но его надежды не сбылись, и тогда писатель взялся переписать историю. Из этих псевдоцитат следует, что Сталин признал репрессии ошибкой, хотя на самом деле этого не произошло. В речи Сталина в записи Аросева отсутствуют такие слова как «законность», «мораль», «чистые

руки», *«грязные дела»*, нет и намека на такие слова как *«политическая ошибка»* и *«мы ошиблись»*. Роллан вставляет их в пересказ монолога Сталина, создавая собственную версию его речи, которая примирила бы писателя с самим собой. Сравнительный анализ двух текстов беседы свидетельствует о том, что его надежда оказать влияние на Сталина не сбылась. В параграфе **3.4. В беседе с Ролланом Сталин раскрывает механизм политических репрессий** анализируется ответ Сталина Роллану на его вопрос о массовых политических репрессиях. Сталин пересказал Роллану «Кремлевское дело», связав воедино несколько судебных процессов, как потом это сделало следствием тому времени, когда Роллан уже уехал из Москвы (процесс состоялся 27 июля 1935 года). Писатель не возразил Сталину, поэтому вынужден был его «обелить» в собственном дневнике.

В параграфе **3.5. «Заагентуренный» секретарь Горького П.П. Крючков глазами Роллана** исследуется вопрос о роли секретаря Горького П.П. Крючкова, по мнению Роллана, самого близкого к Горькому человека. Постоянное присутствие Крючкова в жизни Горького вызывало недоумение и раздражение многих современников. Крючков в повествовании Роллана часто фигурирует в эпизодах с наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой. Роллан задается вопросом, является ли помощь Крючкова, которому «удалось нейтрализовать» Горького, благом для него: «Крючков приложил немало усилий для того, чтобы изолировать Горького от собратьев по перу и от читателей. Надо быть таким слабовольным, как Горький, чтобы подчиниться ежесекундному контролю и опеке. Они избавляют его от многих забот, но какой ценой?! У старого медведя в губе кольцо»(МД, 5, 183). Этот яркий образ, найденный Ролланом для характеристики положения Горького в родной стране, возникает именно в связи с присутствием Крючкова, хотя Роллан отдает себе отчет, что Крючков – лишь винтик в общей системе. Роллан видит тысячи нитей, связывающих Крючкова с партийным руководством и службой госбезопасности Ягоды: через Крючкова с молниеносной быстротой передаются письма и просьбы Сталину, Ягоде и другим, и так же быстро

получаются их ответы. Роллан рассказывает о «неуместной» попытке Крючкова заставить его сделать дружескую и льстивую надпись на фотографии для Ягоды, «которая, конечно же, тут же стала бы достоянием общественности», добавляет Роллан (МД, 5, 183). Моральные качества Крючкова, ограниченного и безапелляционного, видятся Роллану сомнительными. Однако и в этой обстановке давящего контроля Роллан не упускает из виду свои цели: он добивается разрешения на отъезд писателя-диссидента Виктора Сержа, получает для просмотра его рукописи. О правозащитной деятельности Горького и Роллана в этот сложный период, когда Горький оказался в СССР, мы можем судить не только по переписке писателей, но и по письмам жены Роллана М.П. Кудашевой-Роллан П.П. Крючкову. Ее деятельность до сих пор оставалась за кадром и только благодаря выявленным в Архиве А.М. Горького письмам мы можем отдать себе отчет о ее реальной помощи людям по обе стороны «железного занавеса» **(3.6. Муза Роллана М.П. Кудашева-Роллан и ее письма в Архиве А.М. Горького).**

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и намечается перспектива дальнейшего изучения историко-литературных и общественно-политических контекстов первой трети XX века. История дружбы двух писателей в эго-документах запечатлела эволюцию их общественно-политических взглядов: особенности исторического пути России они видели в особенностях русского национального характера (смещение Запада и Востока), от осуждения советской власти они пришли к ее принятию, «защиту СССР» им пришлось совмещать с защитой прав человека в СССР. Их культурный и политический диалог имел огромную историческую и художественную ценность, позволил Роллану в сложных исторических условиях вмешиваться в политику, определять судьбы мира (лозунгами пацифизма, «над схваткой», «Европа, расширься или умри!»), оправдывая свою репутацию «мировой совести» в попытках гуманизировать советский строй. При этом за кадром осталась публицистическая деятельность М. Горького 1930-х годов, которая еще ждет своего исследователя.

Исследование позволило ввести в научный оборот неизвестные материалы: письма М.П. Кудашевой-Роллан секретарю Горького П.П. Крючкову. Они стали тем самым недостающим звеном, без которого невозможно должное осмысление правозащитной деятельности Роллана, осуществляемой им через Горького, в период репрессий в СССР в эпоху тоталитаризма. Переписка М.П. Кудашевой-Роллан с П.П. Крючковым стала предметом специального исследования в диссертации, так как она фокусирует основную проблематику до сих пор остававшегося вне поля зрения литературоведов и историков последнего этапа творческого диалога писателей. Перед окончательным падением «железного занавеса» Роллан стал одним из последних западноевропейских писателей, попытавшихся встретиться со Сталиным и получить ответы на волновавшие современников вопросы о внешней и внутренней политике СССР, в частности, о начале массовых репрессий после убийства Кирова в декабре 1934 года. «Неудобный» собеседник, Роллан не получил ответа ни на одно из пяти своих писем Сталину, однако поездка в СССР и встреча с советским вождем нашли отражение в его «Московском дневнике», разрешение на публикацию которого Роллан давал только через пятьдесят лет. Исследование показало, в чем оказался прав и в чем ошибался французский писатель, выстраивая свою стратегию «защиты СССР» в глазах мировой общественности, ожидающей от писателя, воплощавшего на протяжении полувека «совесть мира», ответы на самые острые социальные и политические вопросы. Автор диссертации делает вывод о неправомерности подхода к личности Роллана как к «некритичному апологету сталинизма» (М. Дэвид-Фокс), как его представляют многие западные исследователи.

В диссертации показана амбивалентная роль Горького в борьбе западноевропейских интеллектуалов за гуманистические идеалы европейской культуры в период между двух мировых войн, изменивших не только карту мира, но и само представление о человеке. Выявленная в Фонде Роллана Национальной библиотеки Франции и до сих пор неизвестная переписка Роллана с русскими писателями-эмигрантами (К. Бальмонтом, И. Буниним, И.

Шмелевым и др.) также помогает воссоздать подлинную историю литературы XX века и свидетельствует об изменении вектора европейской левой интеллигенции, заинтересованной в советском эксперименте построения нового социального строя. Без знания этих уникальных свидетельств литературной и общественно-политической жизни, вводимых, благодаря данному исследованию, в научный оборот, невозможно осмысление литературного и общественно-политического процесса XX века, роли отдельных писателей в его развитии во Франции и в СССР.

Текст диссертации дополнен приложением из двух частей, в котором воспроизводятся тексты писем Роллана⁹ в переводе автора диссертации и неизвестных до сих пор писем Кудашевой-Роллан (**П.1. Переписка Р. Роллана с П.П. Крючковым** и **П.2. Переписка М.П. Кудашевой с П.П. Крючковым**).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

– **монографии:**

1. Буревестник versus Альбатрос: Французский контекст творчества Максима Горького. М.: ООО «А Темп», 2018. 492 с.
2. «Недостижимая добродетель альтруизма»: Максим Горький в итальянской критике. К 150-летию М. Горького. М.: Азбуковник, 2018. 445 с.

– **научные труды**(подготовка к публикации архивных материалов и комментариев к ним):

1. А.М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1969). М.: Наследие, 1996.
2. А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920-1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001.
3. Диалог писателей. Из истории русско-французских связей XX века (1920-1970) / Сост. Т.В. Балашова. М.: Наследие, 2002 (письма Роллана Сталину и др.).

⁹ Частично опубликованы в кн. «Постижение Запада» (№8 в списке публикаций ниже).

4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 25 т. Т.17 М.: Наука, 2015(письма Горького П.П. Крючкову, январь-май 1928).

5. Золотарев А.А. Camposanto моей памяти. Избранное. Художественная проза. Стихотворения, философская и религиозная проза / Отв. ред. Д.С. Московская. СПб.: Росток, 2016.С.461-497 и прим. С. 909-928 (очерк «Алексей Максимович Горький»).

– главы в коллективных монографиях (выборочно):

1. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке Первого съезда советских писателей (стенограмма беседы с И.М. Гронским из Архива А.М. Горького) // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. Вып. 1. / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИРАН, 2019. С. 67-114.

2. Le discours de bienvenue de Romain Rolland adressé au Congrès des écrivains de Sibérie (1928) // Tranferts culturels en Sibérie de l'Altai à la Yakoutie. Paris : Demopolis, 2018. P. 473-487(на фр. яз.).

3. Ромен Роллан о русской революции 1917 года (по материалам переписки с Максимом Горьким) // Литература и революция. Век двадцатый. Вып. 4. М.: Литфакт, 2018. С. 231-244.

4. Письма И.С. Шмелева Р. Роллану (по материалам Фонда Роллана Национальной библиотеки Франции)// И.С. Шмелев и писатели русского зарубежья. Симферополь: Антиква, 2018. С. 217-228.

5. Роль французских, немецких и советских интеллектуалов в подготовке Парижского конгресса писателей в защиту культуры 1935 г. (в свете новых архивных материалов) // Россия-Германия: литературные встречи (1880-1945) / Отв. ред. Т. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017.С. 400-422.

6. Горький и Италия: К 100-летию окончания каприйской одиссеи писателя (по материалам Архива А.М. Горького)// Максим Горький и художественная культура символизма. М.: Азбуковник, 2017. С.120-140.

7. Планетарная утопия философии коллективизма: каприйский эксперимент // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 538-551.
8. Глава «Роллан и Горький: вокруг путешествия Роллана в СССР (1935)». Письма Р. Роллана советским корреспондентам (1928-1936)// Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 59-151.
9. Глава «”Инженеры человеческих душ” и “социалистический реализм”: о встречах Сталина с писателями на квартире А.М. Горького в 1932 году (по материалам Архива А.М. Горького)» // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 644-668.
10. Максим Горький и Ромен Роллан: историософия Востока и Запада (по материалам переписки) // Максим Горький и его творчество. К 150-летию со дня рождения. Сеул: Пушкинский дом, 2018 . С. 338-377.
11. Командиры Гражданской войны: воспоминания Л. Арагона о В. Примакове и М. Тухачевском // Историография гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / Отв. ред. Д.С. Московская). М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 544-558. – 35 а.л. – 300 экз. ISBN 978-5-9208-0562-1
12. «С золотыми глазами козы...»: Муза Р. Роллана М.П. Кудашева и ее письма в Архиве А.М. Горького// Литература и идеология. Век двадцатый. Научная серия «Литература. Век двадцатый». М.: Макс-пресс, 2016. С. 93-110.
13. М. Горький – претендент на Нобелевскую премию (по материалам Архива А.М. Горького)//От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям. М.: Русский путь, 2011. С. 62-89.
14. Горький и Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935)// М. Горький и мировая культура. Горьковские чтения-2010. Нижний Новгород-ИМЛИ РАН: РИ «Бегемот», 2012. С. 25-39.

15. Культура эпохи декаданса: «язык птиц» (Горький и Метерлинк)»// Европейские судьбы концепта культуры (Россия, Германия, Франция, англоязычный мир). М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 242-265
16. Глава «Французская литература второй половины XX века» //Зарубежная литература XX века (под ред. В.М. Толмачева). Учебное пособие для ВУЗов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 391-432.
17. Глава «Французская литература второй половины XX века– начала XXI века» // Зарубежная литература XX века. В 2-х т. Том 2. Вторая половина XX века-начало XXI века (под ред. В.М. Толмачева). Учебное пособие для ВУЗов. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 81-134.
18. «Французский текст» Осипа Мандельштама (к истории создания стихотворения «Я прошу, как жалости и милости...») // Дни франко-российских исследований. Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 23-32.
19. «Похищение Европы»: Парижский конгресс писателей в защиту культуры (1935) // Литература и война. Сборник статей к 90-летию Л.Г. Андреева. М.: МАКС Пресс, 2013. С.108-121.
20. Autour du voyage de Romain Rolland en URSS (1935): le “Journal de Moscou” et l’entretien avec Staline// L’étranger dans la littérature et les arts soviétiques. Septentrion, 2014 (Lille, Pressesuniversitaires, France) P. 273-282.
21. А.М. Горький и издательская политика СССР (об одном из аспектов участия Горького в работе издательств (1928-1936))// Горький и Россия. Горьковские чтения 2012. Н.Новгород-ИМЛИ РАН: РИ «Бегемот», 2014. С. 4-13.
22. Ромен Роллан о русском национальном характере// Обретенное время: Сборник трудов памяти А.Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 334-353.
23. Эволюция образа М.Горького в «Московском дневнике» Р. Роллана //М. Горький – художник и революция. Горьковские чтения-1990. Вып. 2. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992. С. 157-164.

24. Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: русские на Капри как социокультурный феномен (по материалам статьи М. Первухина)// Toronto Slavic Quarterly. №6. 2007. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/arias17.shtml>
25. «Смеющиеся львы» европейской истории (по материалам переписки М. Горького и Р. Роллана) //Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). Коллективная монография по материалам русско-французского коллоквиума 1–2 ноября 2005 г. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 252–270
26. Выбор источника текста при публикации «Московского дневника» Р.Роллана // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408–421.
27. Приезд Горького в СССР в 1928 году (по материалам советских газет и прессе русского зарубежья) // Казань в жизни и творчестве А.М. Горького и Ф.И. Шаляпина. Казань: Школа, 2009. С.22-28

– статьи в журналах из списка ВАК:

1. Р. Роллан. Наше путешествие с женой в СССР (июнь-июль 1935 г.) /Перевод с франц. яз. М.А. Ариас // Вопросы литературы. 1989. №3. С. 190-246; № 4. С.119-154; № 5. С. 151-189.
2. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916-1936). Рецензия // Вестник Российского гуманитарного фонда. 1998. №5. С. 17-19.
3. Серебряный век: модель для сборки//Русский журнал. 2011. 10 октября. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Serebryanyj-vek-model-dlya-sborki>
4. Парижское открытие С. Дягилева: «отец авангарда» Эрик Сати и балет-коллаж «Парад» (1917) // Артикульт. 2012. №4. Режим доступа: [articult.us>index.php/articult/](http://articult.us/index.php/articult/)
5. «Севилья ранит, Кордоба губит...» Образы Испании в русской поэзии.// Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 464-473.

6. Альбатрос и Буревестник: метаморфозы символизма// Вестник славянских культур. 2016. № 4.С. 115-125.
7. «Русская революция готовилась на Капри...». Михаил Первухин о русской колонии на Капри (по материалам Архива А.М. Горького) // StudiaLitterarum: Науч. журн. 2017. Т. 2. № 1. С. 306-321.
8. “Дело Виктора Сержа” в письмах М.П. Кудашевой-Роллан (по материалам Архива А.М. Горького) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6. С. 48–51.
9. В.В. Полонский, Д.С. Московская, М.А. Ариас-Вихиль. Гуманизм Максима Горького – писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4 (93). С. 176-180.
10. В.В. Полонский, Д.С. Московская, М.А. Ариас-Вихиль. «Он был биографией своего века...» А.М. Горький в контексте мировой культуры XX века // Вестник РАН. Том 88. 2018. № 6. С. 551–561.
11. П. Чони, М.А.Ариас-Вихиль. Воспоминания А.А. Луначарской о Максиме Горьком // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15).С. 1-10.
12. Д. П. Святополк-Мирский. Пушкин (1928). Пер. с франц. М.А. Ариас-Вихиль; публ., вступит. заметка и комментарии М.В. Ефимова // Известия РАН. Серия «Литературы и языка». 2018. Том 77. № 2. С. 67–75.
13. Д.С. Московская, М.А. Ариас-Вихиль. Перспективы горьковедения в XXI в. По материалам Горьковского Юбилейного раздела журнала «Вестник Костромского государственного университета» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 379-390.
14. «Логика последовательного и крайнего гуманизма»: о новой книге Павла Басинского «Горький: страсти по Максиму» (М.: АСТ, редакция Е. Шубиной, 2018) // Филологический класс. 2018. 2(52). С. 180-183.

15. Ариас-Вихиль М.А., Марченко Т.В. Московская Д.С. «Правда, которую так жаждал читатель»: Александр Солженицын в культуре XX века (к 100-летию со дня рождения писателя) // Вестник РАН. 2018. Т. 88. №12. С. 1131-1141.
16. Горький и французские писатели // Русская словесность. 2018. № 5. Электронное приложение. С. 1-9.
17. M. A. Arias-Vikhil', T. V. Marchenko and D. S. Moskovskaya "The Truth That the Reader So Longed for" On the 100th Anniversary of the Birth of Academician A.I. Solzhenitsyn// Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 6. P. 251-230 (на англ. яз.).
18. «Новый человек я, и моя обновлённая жизнь требует иных людей...»: история Лизы Дьяконовой, рассказанная ей самой и писателем Павлом Басинским // Филологический класс. 2018. 4(54). С. 161-183.
19. Пьеса М. Горького «На дне» в Италии: постановка труппы Татьяны Павловой 1926 г. (по материалам Архива А.М. Горького) // Studialitterarum. 2018. Т. 3. № 1. С. 266-281.
20. Ариас-Вихиль М.А., Чони П. Воспоминания о Каприйской рабочей школе // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 1 (19). Режим доступа: <https://www.novsu.ru/file/1520352>
21. Ариас-Вихиль М.А., Чони П. К 110-летию создания Каприйской рабочей школы (1909–2019): Горький и история школы в воспоминаниях учеников (К.А.Алферов. Встречи с А.М.Горьким) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 4 (22). Режим доступа: <https://www.novsu.ru/file/1545843>

– статьи в электронном журнале ИМЛИ РАН «Новейшие российские гуманитарные исследования»(выборочно):

1. Почему русским детям вредно читать о Жанне д'Арк (издательская политика А.М. Горького в серии «Жизнь замечательных людей») // Новейшие российские

гуманитарные исследования. 2011. №6. Режим
доступа: [nrgumis.ru>articles/article_full.php...](http://nrgumis.ru/articles/article_full.php...)

2. Горький, Роллан, Барбюс: дискуссия вокруг антироллановских выступлений
журнала «Кларте» // Новейшие российские гуманитарные исследования. 2012.
№7. Режим доступа: [nrgumis.ru>articles/343/](http://nrgumis.ru/articles/343/)

3. Из истории русско-итальянских литературных связей начала XX века:
Максим Горький в зеркале итальянской критики// Новейшие российские
гуманитарные исследования. 2012. №7. Режим доступа: [nrgumis.ru>articles/343/](http://nrgumis.ru/articles/343/)

4. «Такова уж логика власти»: вопрос о репрессиях в СССР в беседе Роллана со
Сталиным // Новейшие российские гуманитарные исследования. 2013. №7.
Режим доступа: [nrgumis.ru>articles/article_full.php...](http://nrgumis.ru/articles/article_full.php...)

5. Советский индекс: критерии выбора иностранных писателей для публикации
в СССР в 1920-30 гг.//Новейшие российские гуманитарные исследования. 2014.
№8. Режим доступа: [nrgumis.ru>articles/article_full.php](http://nrgumis.ru/articles/article_full.php)